

ГНЁЗДОВСКИЕ БУСЫ. ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК КУРГАНОВ И ПОСЕЛЕНИЯ

Безусловная ценность бус для характеристики эпохи была осознана давно (1). Датировка и хронология археологических памятников и комплексов, направление путей обмена и торговли, распределение находок внутри памятника и связанные с ними проблемы социальной стратификации — вот те задачи, для решения которых используют бусы. Однако вряд ли кто мог предполагать, что бусы станут предметом специальных исследований, что к изучению бус будут привлекать самые современные подходы, новейшие методы анализа и обработки данных. А. В. Арциховский (2), З. А. Львова (3), В. Б. Деоник (Ковалевская) (4), О. П. Королева и Р. Д. Голдина (5), Г. Ейзен (6), В. Г. Н. Ван дер Слеен (7), Т. Ставарска (8), М. Томпельманн-Мачинска (9), М. Декувна (10), Ю. Каллмер (11), Р. Андреа (12), Е. М. Алексеева (13) и другие сделали немало, чтобы изучение бус обрело свой новый характер. И тем не менее нередко кажется, что орудия труда, оружие, керамика и домостроительство заслуживают большего внимания исследователей, чем украшения вообще и бусы в частности. Именно поэтому нужно каждый раз приводить дополнительные доказательства в пользу актуальности, новизны и значения изучения нового комплекса бус или возвращения к рассмотрению тех, которые уже были рассмотрены однажды.

Бусы из раскопок в Гнёздове до 1979 г. специально изучала В. М. Попова (14). В прошедшие годы накопились новые находки. Однако не это главный повод для возвращения к гнёздовским бусам. К настоящему времени произошли серьезные методологические сдвиги в изучении бус, в частности стеклянных. Составлена подробная программа описания конструкций и форм бус, найдена форма представления химического состава бус и способы дешифровки древних технологий (15). Существенно изменился и общий фон, на котором нужно рассматривать результаты исследования гнёздовских бус: это новые находки бус, прежде всего, в Старой Ладогe (16), подробное исследование бус Скандинавии и Балтийского региона (11), бус Поднепровья (16), Поволжья и Прикамья (5).

Кроме того, изменился подход к изучению бус. Бусы приобрели самостоятельную ценность для формирования представлений об организации их производства, об их социокультурной роли и месте в системе ценностей. Представления о характере производства бус связаны с проблемой их происхождения. Для установления происхождения бус существенны не только химический состав и технология изготовления, но и самый тип мастерской. М. А. Безбородов выделил два типа мастерских (А и Б): в одних производили все виды работ со стеклом, от варки до изготовления готовой продукции и полуфабрикатов, в других — разные изделия делали из полуфабрикатов (18). Р. Ньютон усмотрел

4 типа стекольных мастерских: в одних стекло только варили, в других — работали с горячим стеклом, не умея его варить; в третьих — меняли форму стеклянных изделий, в четвертых — делали вещи, например бусы, из стеклоподобных материалов (шлаков и др.) (19).

Руководствуясь тем же технологическим принципом, можно по-иному разделить мастерские на типы. Технология стекла, рассматриваемая как система, имеет в качестве подсистем стекловарение, изготовление и декорирование изделий. Эти подсистемы, обладая способностью к саморазвитию, могут развиваться порознь. Закон неравномерности развития предполагает, что развитие неравномерно не только во времени и в пространстве; он предполагает также, что процесс развития осуществляется на разных основаниях, что в его основе лежит разный генофонд. Иными словами, развитие каждого направления в технологии стекла не только гетерохронно, гетеротропно, но и гетерогенно (20). Конечный продукт мастерской может быть разным: стекломасса (в виде слитков), заготовки изделий или их частей (палочки, трубочки, плоские отливки и т. д.), готовые изделия без декора (или декорированные в момент изготовления), декорированные изделия (росписью, резьбой) и т. д. Технологический подход позволяет классифицировать производственные циклы. Организация производства в одних мастерских предполагает связь технологических циклов, в других — их разделение. В первом случае формируется производство универсальное по своему характеру, во втором — специализированное. От организации производства зависят ассортимент и качество продукции. Специализированные производства обеспечивают сложные техники и сложные конструкции, профессионализм во всех видах работ, высокое качество материалов и готовой продукции. В меньшей степени эти черты свойственны универсальному производству. Высокий класс продукции в мастерских такого рода зависит не столько от организации производства, сколько от личного мастерства ремесленника. Специализированное производство стекла является частью многоотраслевой производственно-экономической системы; универсальное производство не требует столь широких и глубоких связей, его связи более короткие и во времени и пространстве. В то же время универсальное производство обладает огромной жизненной силой: его легко распространять вширь, оно более тесно связано с потреблением, потребитель его продукции менее искушен, а самая продукция призвана удовлетворять существенные потребности.

Некоторые особенности столь разных по характеру производств выражены в продукции. Изучение технологии изделий (состав стекла и техника изготовления) позволяет определить, во-первых, технологические приемы, необходимые для изготовления изделия, в нашем случае, бус; во-вторых, набор инструментов и приспособлений; в-третьих, уровень развития теплотехники и, в-четвертых, химический состав, умение работать со стеклом разного состава и, наконец, в-пятых, степень владения приемами работы со стеклом в целом (19).

Наблюдения над технологией изготовления стеклянных бус позволяют считать их продукцией мастерских, различающихся организационно. Например, для лимонок (не только желтых, но и синих, и зеленых, и с золотой прокладкой, и неокрашенных), рубленного бисера, бус руб-

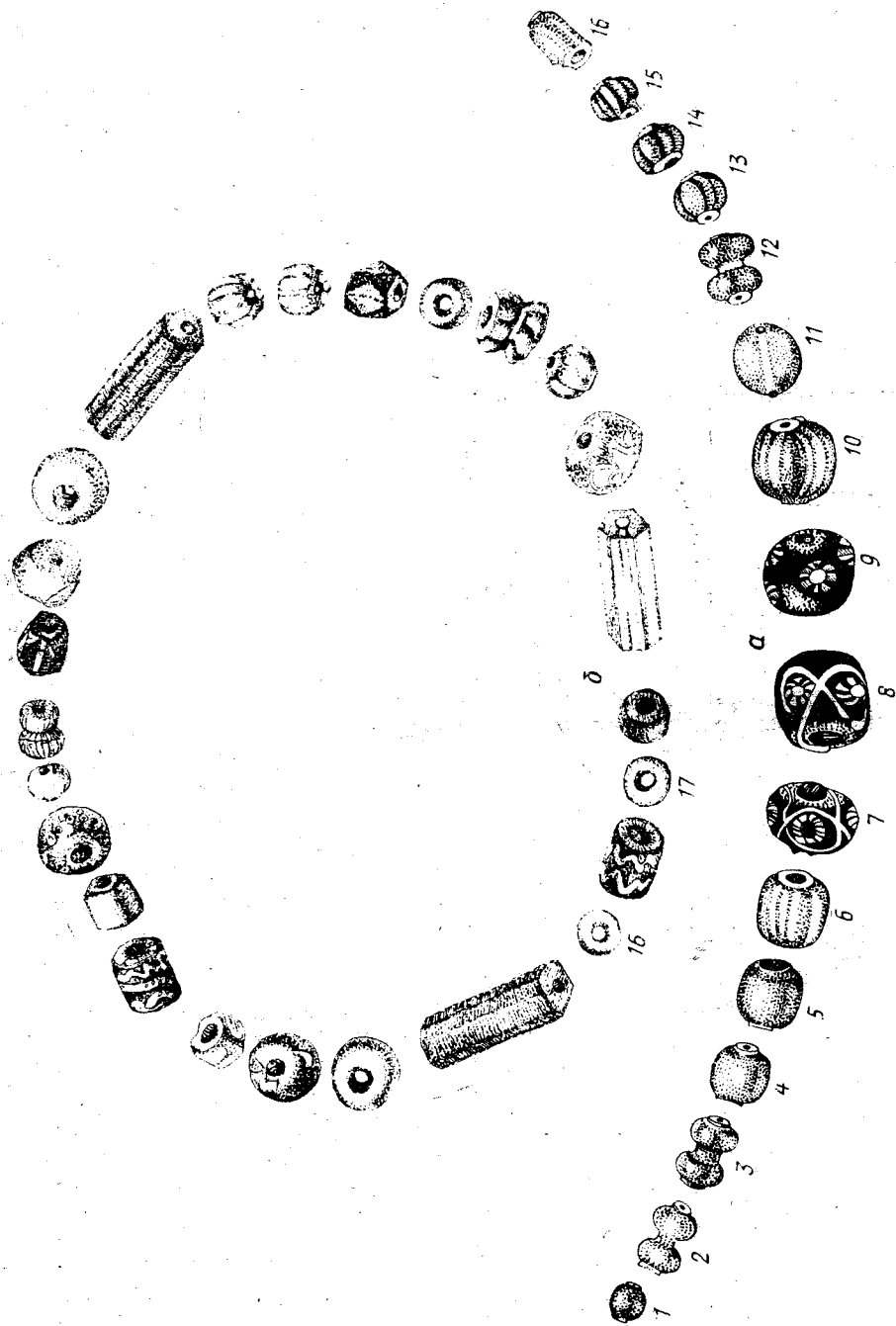

Рис. 1а. 1—6, 8, 10—16 — стеклянные бусы, изготовленные из трубочек; 7, 9 — из палочек.
 б. Ожерелье из кургана Ц-198. 16, 17 — стеклянные бусы, изготовленные путем навивки в специализированных мастерских.

чатых (с шейкой), зонных с толстыми стенками и т. д. (рис. 1а:1—6, 12—16) необходимы трубочки — тянутые, навитые или любые другие (21). Для таких бус нужны и разная по цвету горячая стеклянная масса, и разнообразные инструменты, обеспечивающие большой объем продукции. Свойства и качества этой продукции мало менялись на протяжении столетий.

Бусы из трубочки — массовая продукция специализированных мастерских, тесно связанных с международной торговлей. Признанием такой связи можно объяснить столь широкое распространение единых по химико-технологическим свойствам бус из трубочек (от Британии до Тихого океана, от Средней Азии до острова Вайгач) на протяжении почти целого тысячелетия — с середины II в. до н.э. до X в. н.э. Использование подобных бус в качестве неэквивалентного средства обмена на столь огромной территории — достаточное основание для того, чтобы стремиться любыми средствами сохранять в местных системах ценностей устойчиво высокое положение привозных бус.

Изготовление мозаичных бус предполагало свободное владение стеклом разного состава, находящимся в разных агрегатных состояниях, и свободное владение температурами и сложным инструментом. Для мозаичных бус использовали разного рода стержни, ленты, полосы и палочки (рис. 1а:7, 9). Продукция такой мастерской — не только готовые бусы, но и многоцветные стержни и палочки, из которых делали «глазки», которыми украшали бусы, изготовленные в других техниках (из трубочки или путем навивки).

Мозаичные и бусы из одноцветных палочек распространялись не столь широко, как бусы из трубочек. Они всегда их сопровождают, представляя собою изысканную часть ожерелий; относительно меньшее их число придавало им большую ценность и более высокое место в системе ценностей региона.

Бусы из трубочек и бусы из палочек (стержней и т. д.) — продукция мастерских, специализированных на изготовлении бус и некоторых полуфабрикатов. Такие мастерские располагались в областях традиционного стеклоделия, в Сирии и Египте (23). Специализированные мастерские выпускали бусы большими сериями. Их деятельность была связана с восточной торговлей: Великий шелковый путь уводил бусы далеко на Восток, вплоть до Китая и Малайзии, янтарный — в Прибалтику, «меховой» — на Волгу и русский север.

Бусы, изготовленные путем навивки, нужно оценивать иначе. Навивка — несложный технологический прием, который зависит более от мастерства, чем от качества инструмента или самого стекла. Бусы путем навивки можно делать и из расплавленной массы, взятой непосредственно из горшка, и из массы размягнутой: разогретого слитка, палочки, даже осколка стекла (при известном навыке, конечно). Слитки, палочки и т. д. выступают в таких случаях в роли полуфабриката. Полуфабрикаты могут быть разными по составу, следовательно, разными по составу будут и бусы, изготовленные из них в одной мастерской в одно и то же время.

Связь химического состава стекла бус с техникой навивки произвольна. Внешний вид бус прямо связан с агрегатным состоянием мате-

риала: следы навивки размягченного стекла легко читаются и, напротив, почти незаметны следы навивки стеклянной нити или ленты, вытянутой из горшка с жидким стеклом. Из этих наблюдений следует вывод о типе мастерской: с размягченным стеклом работали там, где не умели его варить (второй тип, по Р. Ньютону), с жидким — в мастерских с полным технологическим циклом. Изготовление бус в таких мастерских могло быть специальным занятием или дополнительным к основному, например к изготовлению посуды, оконного стекла или смальты (22).

Гнёздовские бусы, изготовленные путем навивки, дополнительно украшены глазками, петлями или линиями, происходят из специализированных мастерских (рис. 1а:8). Бусы из синего прозрачного стекла без декора, изготовленные путем навивки (рис. 1б:16, 17) могли бы быть и побочным продуктом.

Все эти замечания и условия, предвещающие исследование, нужны для уточнения подходов к оценке и интерпретации гнёздовских бус.

Изучение гнёздовских бус мы вели поэтапно: за описанием бус по полной программе следовало составление списка форм, декора и техник изготовления бус, найденных на городище и в курганах. Сравнение этих списков позволило установить сходство и различие обоих комплексов.

В основу классификации была положена техника изготовления бус, расшифрованная по следам технологических операций (состоянию поверхности и дефектам). Раздельное, по курганным инвентарям, рассмотрение бус помогло представить их возможную роль среди украшений и в системе ценностей региона. Важно учесть происхождение бус, составляющих ожерелье.

Хронология гнёздовских бус будет рассмотрена в связи с собственной хронологией бус и в связи с датировкой комплексов.

Подбор аналогий — признанный и распространенный способ, с помощью которого рассматриваемый комплекс находок можно включать в известную систему сведений о сходных бусах балтийского региона, Восточной и Западной Европы, Кавказа и Дальнего Востока — нами не применяется. В. М. Попова такую работу уже проделала. Круг памятников, выбранных ею для поиска аналогий, случаен, хронология и происхождение аналогичных бус никак не были уточнены, и своеобразие комплекса гнёздовских бус оказалось размытым. Место подбора аналогий займет в нашем исследовании сопоставление бус разных регионов, которые будут рассмотрены все вместе как единый комплекс.

Изучая бусы, важно установить, где мог быть сформирован каждый отдельно взятый комплекс, набор бус, определить пути, по которым бусы попадали или могли попадать в Гнёздово.

На раскопанной площади городища найдено более 1000 бус. Для ответа на вопрос, много это или мало, нужно произвести некоторые сравнения. Например, на Неревском конце в Новгороде, на раскопанной площади, примерно равной той, что раскопана на гнёздовском городище, найдено около 1000 бус (24). В других древнерусских городах в слоях этого времени бус еще меньше, но в Муроме, например, бус X в. очень много и среди них изготовленные из палочек, в том числе и мо-

заичные¹. Еще более значительны плотность и число бус в Старой Ладоге (3; 16).

Что касается находок бус в погребениях, то в гнёздовских курганах их мало, может быть, столько же, сколько в Шестовицких курганах (25) или в срубных гробницах в Киеве (26). В погребениях X—XI вв. по Верхней Волге, Каме, в Приладожье и в низовьях Немана (27), не говоря о Бирке (28) и Скандинавии вообще (11), стеклянных бус существенно больше. Таково общее впечатление. Рассмотрим подробнее находки бус в гнёздовских курганах, сосредоточив внимание на числе и наборе бус в комплексах.

Напомню, что в Гнёздове раскопано около 1000 курганов, бусы встречены в 113 — примерно в десятой части погребений. В некоторых курганах бусы сплывались настолько, что их нельзя сосчитать. Результаты подсчетов бус, найденных в 103 курганах, приведены в таблице 1:

Таблица 1

Распределение бус по комплексам

Количество бус в кургане	Количество курганов	Количество бус	%
1	22	22	2,3
2	13	26	2,77
3	9	27	2,88
4	4	16	1,70
5	4	20	2,12
6	6	36	3,84
7	7	49	5,22
8	7	56	5,97
9	3	27	2,88
10	1	10	1,06
11	1	11	1,17
12	3	36	3,84
14	1	14	1,49
15	2	30	3,18
16	4	64	6,8
18	1	18	1,92
19	2	38	4,05
21	1	21	2,24
22	1	22	2,34
23	1	23	2,44
24	1	24	2,55
25	1	25	2,66
27	1	27	2,88
28	1	28	2,98
29	1	29	3,09
30	2	60	6,36
35	1	35	3,73
50	1	50	5,3
93	1	93	9,9
неопред.			
Всего	10/113	937	

по 1—2 бусине найдено в одной трети комплексов, по 3—5 — в пятой, по 6—8 — еще в одной пятой. Итого две трети погребений содержит 30% всех бус. 2/3 бус, которые сосредоточены в трети погребений, распределены неравномерно.

Бусы, составляющие комплекс, как правило, различны по форме, материалу, химическому составу и технологии изготовления. Стеклянные бусы изготовлены либо путем навивки, либо из трубочек разного рода (тянутых, согнутых и навитых) и палочек. Отдельные наборы составлены из стеклянных бус, изготовленных по одной технологической схеме, в других — бусы из стекла сочетаются с бусами из других материалов. Построив гистограммы для каждого комплекса отдельно, В. М. Попова успешно произвела сравнение бус по материалу и технике (14. Приложение). Установленные таким путем разнообразие и сходство отражают, видимо, принципы составле-

¹ Пользуемся случаем принести благодарность Н. Е. Чалых, познакомившей нас с коллекцией бус из Муромы.

ния ожерелья или комбинации бус. Р. Андреа различал три вида комбинаций: образцовую, основную и сборную (12, с. 103—104). Он считает, что образцовая комбинация, которую составляет сам изготовитель или торговец, связанный с ним, фиксирует разнообразие и набор синхронных бус, одинаковых по происхождению. Сборная комбинация включает набор бус разных по происхождению и по времени. Основная комбинация — измененная образцовая, дополненная другими видами бус, занимает промежуточное положение.

Каждая комбинация различается не только местом и временем изготовления бус, но и местом и временем составления самого ожерелья. Образцовая комбинация, составленная из однородных бус, «живет», как считает Р. Андреа, не более четверти века, что соответствует предельной продолжительности работы одного мастера. Сборная комбинация создается из самых разных бус, которые оказались в распоряжении потребителя в нужный момент. Датируется такая комбинация по младшей бусине, примерно так, как определяется время тезаврации денежного клада — по младшей монете. Основная комбинация датируется также по младшей бусине, но она ближе к образцовой комбинации.

Сведения о характере комбинаций, числе, материале и технологии гнёздовских бус объединены в табл. 2. В нее включены 45 курганных комплексов, о бусах из которых есть полные сведения, а самих бусин не менее двух.

Самая большая образцовая комбинация из 50 бус найдена в кургане Ц-301. Она состоит из лимонок желтого цвета, золоченых и серебряных и двух рубчатых (овальных). Другая, из 15 бусин, обнаружена в кургане № 23 из раскопок Абрамова. В состав этого ожерелья также входят разные лимонки, в том числе желтые, синие, золоченые и, кроме того, одна зонная красная. 9 разных лимонок составляют ожерелье, найденное в кургане Л-73. Образцовые комбинации найдены в курганах Ц-3 (7 разных лимонок), Серг.-15(26) и Ц-261 (по 6 экз.), Л-29 (5 экз.), по 3 бусины-лимонки найдено в курганах Серг.-8(19), Л-21 и Ц-189. По две одинаковые бусины найдено в курганах Ц-163 и Ув-14, в 19 курганах найдено по одной бусине. Одна-две бусины еще не ожерелье, их можно было бы использовать в качестве привески или серег. 3—5 бусин составляют очень коротенькое ожерелье, от 1,5 до 3 см, — это скорее символ, чем самое ожерелье.

И ожерелья-символы и ожерелья из 6—9 бусин могут быть и образцовыми, и основными, и сборными комбинациями. Более длинные ожерелья, состоящие из 10—30 бусин, как правило, сборные (рис. 2). 10 из 13 сборных комбинаций (табл. 2) происходят из погребений с явными скандинавскими чертами (курганы Серг.-35(46), Л-23, 38, 47, 50, 61; Ц-2 (верх), Ц-198, 208, 212)². В состав скандинавских ожерелий (номера курганов набраны курсивом), кроме стеклянных входят сердоликовые и хрустальные бусы, в курганах Л-23 и Ц-251, кроме того, еще и фаянсовые. В скандинавском погребении (Л-13) были только камен-

² Пользуемся случаем принести благодарность Т. А. Пушкиной, которая предоставила информацию, столь необходимую и важную для понимания особенностей гнёздовских бус.

**Характеристика комплексов бус (с учетом комбинаций),
найденных в гнёздовских курганах**

№ п/п	Номер комплекса	Стекло					Каменные бусы		Фа-янс	Вид комбинации	Число бус в погребении		
		ТТ	ТН	ТС	П	Н	сердо-лик	хруст-аль					
1	Серг. = 1899—8(19)	+								I	3		
2	1899—15(26)	+								I	6		
3	1899—22(33)	+								II	6		
4	1899—35(46)	+				+	+				III		
5	1900—7(65)	+	+			+	+				III		
6	1900—16(74)	+				+	+		+		3		
7	Сиз. = 1898—6	+				+				II	27		
8	1896(?)—56					+					2		
9	Абр. = 23	+								I	15		
10	Л = 5	+	+				+			I	22		
11	13				+		+			II	93		
12	21	+					+			II	3		
13	23	+					+		+	I	18		
14	29	+					+				III		
15	33	+					+			I	5		
16	35	+					+			II	8		
17	36					+	+			I	19		
18	38	+					+				6		
19	47	+					+				12		
20	50	+	+			+	+			III	20		
21	61	+				+	+			III	16		
22	73	+				+	+			III	15		
23	депортизован- ный комплекс	+					+			I	9		
24	Ц = 1	+								I	5		
25	2 верх.	+					+			I	2		
26	3	+					+				III		
27	4	+					+			I	24		
28	5	+	+				+				7		
29	60	+	+			+	+			II	8		
30	61	+	+			+	+			II	5		
31	163	+					+			II	7		
32	171	+							+	I	14		
33	175	+								II	2		
34	189	+	+			+				I	12		
35	198	+				+					7		
36	208	+	+	+		+	+				3		
37	212	+				+	+			III	25		
38	245	+				+	+			III	12		
39	247						+		+	II	30		
40	251	+				+					15		
41	259	+				+	+		+	I	5		
42	261	+								II	28		
43	301	+									2		
44	304	+								I	6		
45	Ув. = 14	+					+			I	50		
	Итого	39	9	1	13	10	14	15	5	19	13	13	597

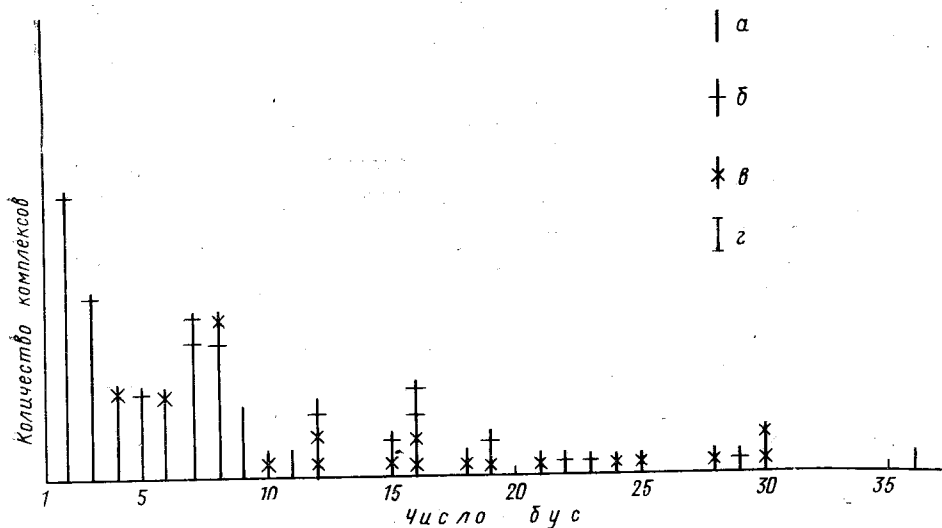

Рис. 2. Сочетания числа бус в ожерелье с видом комбинации:
 а — образцовая комбинация, б — основная, в — сборная, г — одно погребение

ные бусы (93 экз.), каменные бусы (вместе со стеклянными) зарегистрированы еще в двух скандинавских погребениях (Л-33, 35). Из 19 ожерелий с каменными бусами (основные и сборные комбинации) 12 происходят из скандинавских погребений (табл. 2). Наличие каменных бус, видимо, отличало ожерелья скандинавского происхождения, преимущественно длинных (от 12 до 30 бусин) и в 2 случаях коротких (из 4 и 7 бусин). Одно скандинавское ожерелье без каменных бус (Ц-198) включало все разнообразие стеклянных бус (рис. 16); подобного ему ожерелья среди гнёздовских бус нет. Ожерелья в курганах Л-23 и Ц-251 одинаковы по набору: один курган содержит скандинавское погребение; скандинавское происхождение ожерелья в кургане Ц-251 вполне вероятно.

Возможно, что ожерелья в 6—8 бус (Серг.-22(33) и 7(65), Ц-4 и Ц-5) и длинные нитки (Л-5, Ц-61) были составлены в Скандинавии. Два ожерелья (Л-36 и депаспортизованный комплекс) составлены из синих бус византийского происхождения, изготовленных навивкой.

Из 113 курганов с бусами 35 содержат 1—2 бусины (привески, сережки), 14 ожерелий принадлежали скандинавским женщинам, в 8 курганах найдены ожерелья скандинавского происхождения, в двух — византийского. Треть коротких ожерелий (из 3—5 бусин) была составлена на месте, в Гнёздове, из тех бус, которые, очевидно, были привезены сюда.

Бусы, найденные на гнёздовском городище, заметно отличаются от только что рассмотренных курганных, будучи в то же время похожими на них. Основная часть тех и других изготовлена из тянутых трубочек (табл. 3).

Таблица 3

Частотная характеристика бус, найденных
на гнёздовском городище (по находкам 1982 г.)

Техника изготовления и материал бус	Количество	%	Доверительные интервалы
Стекло: тянутая трубочка	143	73,3	80—65
навитая трубочка	1	0,51	0—5
согнутая палочка	1	0,51	0—5
палочка	1	0,51	0—5
навивка	14	7,17	3—12
Сердолик	15	7,69	3—12
Хрусталь	13	6,66	3—12
Фаянс	—	—	0—2
Песчаник	2	1,02	0—5
Неопред. техника (стекло)	5	2,55	1—7
Итого	195	99,92	

Однако бусы из трубочки, найденные на городище, имеют специфику. Особенно интересны желтые, синие, серо-белые и зеленые бусы, представляющие собой отрезки трубочек разной длины, в том числе и их концы, которые в качестве украшений обычно не использовали (рис. 1а, 1б). Отрезки и концы трубочек — соответственно половина и восьмая часть всех бус.

Бусы-лимонки разных цветов, золоченые и серебряные, самые частые в курганах, относительно редки на городище (примерно пятая часть всех и менее трети бус из трубочек). Кроме того, на городище найдены ребристые (эллипсоидные) бусы. Бус из палочек совсем немного.

Интересны бусы, изготовленные путем навивки — сине-фиолетового и оливкового (слабого) цвета: среди них не только зонные и бочонковидные одноцветные, но и с цветным декором и даже граненые. Подобных бус немного, но они, обладающие спецификой цвета, четко выделяются на общем фоне, составляя компактную группу.

Столь же заметны бусы из сердолика и хрустала.

Сравнение бус, найденных в курганах и на городище, делает очевидной большую сложность форм и декора стеклянных бус в курганах и заметную упрощенность городищенских. Среди последних относительно много изготовленных путем навивки. Каменные бусы примерно одинаковы по форме в обоих сравниваемых комплексах, примерно одинакова и их доля в общем наборе. Прежде чем комментировать замеченные различия городищенского и курганного комплексов бус, обратимся еще раз к табл. 2. Напомним, что 22 ожерелья, найденные в курганах, скандинавского происхождения. 35 комплексов, где найдено по 1—2 бусины, придется оставить без внимания, место составления 35 ожерелий нужно определить. О византийском происхождении двух наборов бус (Л-36 и депаспортизованный комплекс) мы упоминали, того же происхождения обе бусины из кургана Сиз.-1898-6. Образцовые комбинации, состав-

ленные из бус (из трубочек), преимущественно небольшие — 3—6—7 бусин, одна нитка в 15 и одна в 50 бусин. Ожерелье из 50 почти одинаковых бусин могло быть составлено непосредственно на месте покупки, а более короткие, возможно, часть одной длинной нитки, деление которой могло быть произведено и в Гнёздове. Не исключено, что там же можно было бы купить ожерелье из 3—7 бусин. Основные сочетания бус из трубочек и из палочек небольшие: 3—7 бусин (Серг.-16(74), Ц-175), лишь одно — длинная нитка в 27 бусин (Сиз.-1898—6). Бусы из палочек на городище — редкость, в курганах они встречаются чаще и, как правило, в скандинавских наборах.

7
Пытаясь вписать гнёздовские бусы в круг современных им бус, обратимся к двум хорошо известным комплексам: Старой Ладоги (3; 6) и Новгорода Великого (24). По форме и цвету бусы из трубочек этих сравниваемых памятников примерно одинаковы. Бусы из палочек, которые называют иногда мозаичными, просто глазчатыми или с глазками в ресничках, в соответствующих слоях Ладоги встречаются чаще, чем в Новгороде, а в Новгороде чаще, чем в Гнёздове. Каменные бусы всюду примерно одинаковы, а стеклянные византийские бусы, изготовленные навивкой, в Гнёздове встречаются чаще, чем в соответствующих слоях Новгорода и тем более Ладоги.

Продвижение стеклянных бус от Ладоги к Гнёздову сопровождается очевидной потерей декоративности, разнообразия и нарядности при столь же очевидном частичном изменении функции бус: вместо длинных ожерелий — ожерелья-символы, привески или, может быть, серьги. Более того, двигаясь на юг по пути из варяг в греки, бусы уменьшаются в числе, становясь все более редкими³. Археологическая традиция заставляет относить редкие вещи к числу ценных. В такой связи гнёздовские бусы следовало бы оценивать высоко.

Стеклянные бусы, как и бусы из других материалов, действительно, в Гнёздове редки. Исключив скандинавские комплексы, мы должны признать, что находки бус происходят не из самых богатых погребений, кроме, может быть, одного, Ц-301, богатство которого составляет нитка в 50 бус.

Особенно впечатляет сравнение гнёздовских бус со скандинавскими (11; 28), последние еще более разнообразны и многочисленны, чем новгородские и старолажские. Главный вывод из этого сравнения — все сравниваемые комплексы (и многие другие) принадлежат к единому кругу вещей, к предметам далекого импорта.

Импорт в археологическом контексте рассматривается как материальный предмет, чужеродный данному. «Импорты», вписанные в новую для себя среду, становятся элементом местной культуры (29). Чужеродность предполагает необходимость искать место, где «импорт» был изготовлен, и путь, который его привел в новый для него мир.

Культура принимает импорты по-разному, один уровень принятия (рецепции) творческий, другой — потребительский, причем и потребительский уровень может быть разным: открытая, явная рецепция пред-

³ Вывод основан на последовательном сравнении гнёздовских находок с каталогом бус Скандинавии, изданном Ю. Каллмером.

полагает использование импортов в полном понимании их смысла; пассивная рецепция предполагает использование импортов в ином значении. В Гнёздове привозные бусы использовали пассивно — именно так нужно, по-видимому, понимать все случаи превращения бус в серьги, привески или ожерелья-символы. Бусы не стали в Гнёздове обязательным компонентом костюма, их приемлет лишь часть общества: бусы как украшение располагаются на периферии культуры населения, оставившего гнёздовские курганы и городище. Следуя за Я. Жаком, нужно признать, что это население не было готово к рецепции такого нового элемента культуры (29, с. 11). Необходимо напомнить, что бусы были редкими в Верхнем Поднепровье и в более раннее время, в культуре длинных курганов в частности (17).

Культурные традиции важны, хотя и они подвержены эволюционным превращениям, поэтому апелляция к предшествующим эпохам необходима, но не достаточна. Культурные традиции, взятые в чистом виде, не проясняют исследуемой ситуации, поскольку сами являются порождением и следствием более глубоких причин.

«Импорт» в культуре появляется как результат взаимодействия экономических, культурных, социальных, политических и других факторов, разных по уровню и значению. В том случае, когда объем «импорта» невелик, нужно думать, что обоюдный интерес сторон был слишком мал. Конкретизируя сказанное, нужно, видимо, признать, что носители культуры длинных курганов в своем прибавочном продукте, если он возникал, не имели ничего, что могло бы привлечь внимание их торговых партнеров, имевших связь с Востоком. Интересы торговых партнеров со временем меняются. Если интерес восточной торговли к мехам был устойчивым на протяжении многих столетий, то интересы поставщиков мехов менялись, менялось их отношение прежде всего к товарному эквиваленту: дешевые украшения и предметы однократного потребления уступали место драгоценностям, предметам многократного потребления, оружию и т. д. Средневековые бусы, отражают, правда, косвенно уровень социального и экономического развития региона (29, с. 11—13). Относительно малое число бус должно было бы соответствовать реальной цене и истинному положению бус в системе ценностей, обилие бус, напротив, предполагает неэквивалентный обмен и их высокое положение в системе ценностей. Реальные оценки бус формируются, скорее в городе, чем на селе, поэтому стеклянные бусы занимают в городской материальной культуре более скромное место, чем в материальной культуре средневековой деревни. В городском костюме более позднего времени стеклянные бусы мало заметны, и, напротив, в этнографическом деревенском русском костюме они более важны. Относительно малое число бус в Гнёздове могло бы быть следствием и отражением того, что в Гнёздове существовал скорее городской тип культуры.

Продолжая тему гнёздовских бус, хотелось бы еще раз обратиться к давней работе Я. Жака, потому что импорты в ней рассмотрены конкретнее и шире, чем в любой другой работе на эту тему, написанной по археологическим данным. Вслед за ним напомним, что всякий «импорт» достигает места назначения прямо (через торговца-иностранца или торговца-соплеменника) или при посредстве так называемых

третьих лиц. Известные в Гнёздове византийские бусы не могли бы быть доставлены туда прямо, так как на пути их лежал Киев с его государственным выходом в Константинополь и Византию. Еще более сложным был путь в Гнёздово у ближневосточных бус. Сходство гнёздовских бус с бусами северных соседей, с которыми Гнёздово связано исторически и географически известным путем из варяг в греки, позволяет отдать предпочтение северному пути, который вплоть до Гнёздова был двусторонним. Кроме него были еще два вероятных пути поступления бус в Гнёздово: двинский и волжский.

И двинский и волжский пути как возможная альтернатива северному отрезку пути из варяг в греки требуют специального изучения бус с памятников, расположенных по течению этих рек, сравнительного анализа самых путей, водных режимов и т. д. Это особые темы, для разработки которых нужен иной и археологический и исторический контекст, хотя некоторыми материалами мы располагаем и сейчас (30).

Рассмотрим лишь одну возможность попадания восточных бус в Гнёздово: путь из варяг в греки. На южном и западном побережьях Балтики было немало портов, факторий и городов, где совершались внешнеторговые сделки (29, с. 210, рис. 2). На Балтийском море — своего рода северном Средиземном море, в IX—X вв. господствовали западнославянские и скандинавские купцы и пираты, в IX в. особенно фризские, на отрезке Фризия — Уппланд.

Самыми известными пунктами международной торговли на Балтике были Хедебю (Хайтхабу) и Ольденбург (Stargrad), расположенные на юге Ютландии. Здесь сходились торговые пути и товары, в том числе восточные стеклянные бусы, стеклянные слитки и полуфабрикаты, из которых можно было делать и из которых делали бусы в мастерских, раскопанных в Хедебю, Каупанге, Павикене и т. д. (10, 1980; 11; 31).

Ю. Каллмер полагает, что реальный недостаток источников, по которым можно было бы судить об организации производства бус в Скандинавии и в Балтийском регионе, побуждает завышать оценки всех остатков производства стекла, которые в большей или меньшей степени могли бы быть связаны с изготовлением бус. По мнению Ю. Каллмера, можно говорить о недолгом существовании производства бус в специальной технике *gaticella* в Каупанге, в самом начале эпохи викингов; о технике навивки в Хайтхабу (Хедебю), о применении этой же техники в Хельго в начале VII в. и, может быть, даже в VIII в., в Павикене — в VIII и, может быть, в самом начале IX в., в Рибе и Орхусе в VIII в. (11, с. 221—224). Каллмер считает, что Бирка, Волин, и Щецин бесосновательно были отнесены к числу мест, где в раннее средневековье делали бусы. Производство бус в других местах, в том числе и в Старой Ладогге, он, вслед за З. А. Львовой, считает в высшей степени предположительным, никак и ничем не подтвержденным.

Все перечисленные мастерские по изготовлению бус, существовавшие в Балтийском регионе когда-либо, исчезли с лица земли задолго до того момента, когда начал складываться комплекс гнёздовских бус. Не видеть и не замечать многих балтийских скандинавских и европей-

ских (континентальных) параллелей для гнёздовских бус тем не менее, нельзя.

Ближневосточные бусы, из сирийских и египетских мастерских, достигали Ютландии водными и сухопутными дорогами, хорошо известными европейцам с древнейших времен. Из Хедебю и Ольденбурга наряду с другими товарами бусы вывозили в Прибалтику, Скандинавию, далее на север и на восток, прежде всего в Ладогу, а оттуда по высокой воде — в глубь континента. Скандинавские купцы, очевидно, знали, как превратить стеклянные бусы в меха, воск, мед и другие ценности. Среди тех мехов, которые продавали на балтийских рынках того времени, вероятно, немало было привезенных с русского Севера, будущих новгородских земель и пятин.

Стеклянные бусы покупали большими партиями, предположительно на вес (32), с Востока их доставляли на Балтийские рынки россыпью в амфорах или как-нибудь иначе (именно это объяснило бы присутствие бракованных изделий в Старой Ладоге и других местах (3)). Бусы покупали, возможно, у одних и тех же известных лиц: долгая торговля бусами не исключает этого, а скорее, наоборот, предполагает. Купец-перекупщик во время такой операции на этой стадии торговли никак не менял состав бус. Комбинации бус в ожерельях, составившихся на этой стадии, должны были сохранять характер образцовых. Такой купец, фризиец или скандинав по происхождению, продавал бусы по всему побережью: в устье Немана он оплачивал ими янтарь (27), в Бирке — просто продавал, а оставшуюся часть вез далее. Причем, требования покупателей были разными: в устье Немана и вдоль литовского побережья, например, были нужны крупные ребристые синие и мелкие желтые лимонки, в Бирке оседали самые разные и самые технически сложные — египетского производства, в Ладогу везли оставшееся.

Чтобы начать плавание по высокой воде, нужно было зимовать в Ладоге (33). Во время зимней подготовки к путешествию купцы успевали проверить свою часть бус, отсортировать брак; учесть вкусы и пожелания своих контрагентов, охотников и звероловов, подготовиться для свободной торговли и т. д. (Что касается производства в Старой Ладоге бус на так называемый восточный манер, т. е. из трубочек и палочек, то, исключая в настоящее время всякую его возможность, мы хотели бы высказаться специально, вне связи с темой данной статьи.)

По мере удаления от места покупки набор бус менялся: все менее разными становились их формы и цвет. Изменения в бусах отражали, видимо, «иерархию» сбита или потребления: первым, наиболее требовательным и важным продавали, возможно, лучшее, последним, невзыскательным и менее важным покупателям — худшее. В такой «иерархии» собственно гнёздовский рынок занимал одно из последних мест, играя, очевидно, пассивную роль в торговле бусами.

Хронология бус, казалось бы, должна была прояснить хронологию самих курганов. Однако взятая в отрыве от полного комплекса находок, она не имеет самостоятельного значения. Комплексы бус примерно одновременны: как правило, они относятся к середине — второй половине X в., но не позднее первой четверти XI в. (23). Лишь три византийских комплекса можно относить к концу X — началу XI в.

Динамика импортов, важная часть их характеристики, может быть изучена лишь в общем контексте материальной культуры. Самостоятельная ценность бус невелика и здесь.

Подводя краткий итог работы, хотелось бы заметить, что находки бус в кургане никогда не оставались незамеченными. Редкость и привлекательность таких украшений создала своего рода миф об особом богатстве погребенного с бусами. Ожерелья из 15—30 бус принадлежали, как правило, скандинавским женщинам. Славянское население Гнёздова проявляло пассивный интерес к стеклянным бусам, отдавая предпочтение другим украшениям. Бусы как украшение оказались на периферии материальной культуры гнёздовских курганов и поселения, хотя они поступали в Гнёздово в достаточном объеме и, видимо, постоянно. Такая избирательная реакция, возможно, одно из проявлений городского по своему характеру образа мышления, образа жизни и культуры.

Примечания

1. Уваров А. С. Меряне и их быт по курганным раскопкам//Труды I АС. Т. 2. М., 1871; Спицын А. А. Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова//МАР. № 29. Спб., 1903. С. 21—23.
2. Арциховский А. В. Курганы вятичей. М., 1930.
3. Львова З. А. Восточноевропейские стеклянные украшения VIII—XII вв. Л., 1961; Она же. Стеклянные бусы Старой Ладogi. Ч. 1—2//АСГЭ. 1968. № 10. Вып. 10. С. 64—94; а также: 1970. № 12. Вып. 12. С. 89—111; Она же. Типологизация по технологическому основанию стеклянных бус Варнинского могильника как основа их относительной и абсолютной датировки//АСГЭ. 1983. № 24.
4. Деопик В. Б. Классификация бус Северного Кавказа IV—VI вв.//СА. 1959. № 3; Она же. Классификация бус Юго-Восточной Европы VI—IX вв.//СА. 1961. № 3.
5. Голдина Р. Д., Королева О. П. Стеклянные бусы Агафоновского I могильника//Материалы по археологии Удмуртии. Вып. 2. Ижевск, 1984.
6. Eisen G. The Characteristics of Eye-beads from Earliest Times to the Present//AJA. II ser. 1916. Vol. XX.
7. Sleen, van der W. G. N. A Handbook on Beads. Liège, 1973.
8. Stawiarska T. Paciorki szklane z obszaru Polski północnej w okresie wpływów rzymskich. Studium technologiczne. Ossolineum, 1984; e a d e m. Paciorki szklane... Ossolineum, 1985.
9. Maćczyńska M. Uwagi o chronologii i rozprzestrzenieniu paciorków szklanych w okresie rzymskim i wczesnej fazie okresu wędrówek ludów w Polsce//Ар. 1972. Т. 17; e a d e m. Paciorki z okresu rzymskiego i wczesnej fazy okresu wędrówek ludów na obszarze środkowoeuropejskiego Barbaricum//Archaeologia. 1978. Т. 28.
10. Dekowna M. Remarques sur les méthodes d'examen de perles de verre du Haut Moyen Age trouvées en Pologne//АСАJHV. Liège, 1969; e a d e m. Szkło w Europie wczesnośredniowiecznej. Ossolineum, 1980.
11. Callmer J. Trade Beads and Bead Trade in Scandinavia ca. 800—1.000//Acta archaeologica lundensia in 4°. No. 4. Lund; Bonn, 1977.
12. Andrea R. Mosaikaugenperlen. Untersuchungen zur Verbreitung und Datierung karolingenzzeitlicher Millefioriglasperlen in Europa//Acta Prachistorica et Archaeologica. No. 4. 1973. Berlin, 1975.
13. Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья//САИ. Г I—12. М., 1975; САИ Г I—12. М., 1978; САИ Г I—12. М., 1982.
14. Попова В. М. Гнёздовские бусы: Дипломная работа, защищенная в 1980 г. Рукопись хранится на кафедре археологии МГУ.
15. Щапова Ю. Л. Древнее стекло. Морфология, технология, химический состав. М., 1989.

16. Рябинин Е. А. Бусы Старой Ладogi (по материалам раскопок 1973—1975 гг.)//Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982.
17. Школьников А. Н. А. Стекланные украшения конца I тысячелетия нашей эры на территории Поднепровья//СА. 1978. № 1.
18. Безбородов М. А. Химия и технология древних и средневековых стекол. Минск, 1969.
19. Newton R. Recent Views on Ancient Glass//Glass Technology. 1980. Vol. 20. No 4.
20. Субетто А. И. Системогенетические закономерности формирования и развития качества сложных объектов (системогенетика в теории качества объектов строительства). (Монография депонирована: ВНИИКС Госстроя СССР, рег. 530Г от 25.9.84 г.). Л., 1983.
21. Щапова Ю. Л. О происхождении некоторых типов позднеантичных стекланных бус//Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. — САИ. Г I—12. — М., 1978. С. 98—99.
22. Щапова Ю. Л. Очерки истории древнего стеклоделия. М., 1983.
23. Щапова Ю. Л. О происхождении некоторых типов древнерусских бус//СА. 1962. № 2.
24. Щапова Ю. Л. Стекланные бусы древнего Новгорода//МИА. № 55. М., 1956.
25. Бліфельд Д. Шестовицкие курганы//Археология. Т. II. Київ, 1951.
26. Голубева Л. А. Киевский некрополь//МИА. № 11. М.; Л., 1949. С. 111.
27. Kupcienė O. Stiklo karolai Lietuvoje IX—XIII a.//Lei Lietuvos archeologija. Pirmykštes bendrumenės irimas. T. 2. Vilnius, 1981.
28. Arbm an H. Birka I: Die Gräber. Tafeln. Stockholm—Uppsala, 1941.
29. Zak J. «Importy» skandynawskie na ziemiach zachodniosławiańskich od IX do XI wieku. Część synteticzna. Poznań, 1967. S. 9.
30. Дайга И. В., Щапова Ю. Л. Стекланные бусы с городища Тервете//Материалы по археологии Латвии. Рига, 1962; Мугуревич Э. С. Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига, 1965.
31. Lundström A. Bead Making in Scandinavia in the Early Middle Ages//Antikvariskt Arkiv. Vol. 61. Lund, 1976; Щапова Ю. Л. Некоторые проблемы средневекового стеклоделия в свете новых данных//СА. 1989. № 4.
32. Рябинин Е. А. Новые открытия в Старой Ладoge (итоги раскопок на Земляном городище в 1973—1975 гг.)//Средневековая Ладoga: Новые археологические открытия и исследования/Сб. ст. Л., 1985. С. 68—69.
33. Лебедев Г. С. Путь из варяг в греки//Вестн. Ленингр. ун-та. Серия: История, язык, литература. 1975. № 4; Он же. Эпоха викингов в Северной Европе: Историко-археологические очерки. Л., 1985.